

Юлия Венедиктова

ВЕТОЧКИН
И
ПЛЮШКИНА

Иллюстрации

К. Бугровой

Москва
Издательский Дом
Мешерякова
2019

Страшная сила... искусства

В овсю цвёл май. Одурманивал свежими ароматами, щекотал солнечными лучами успевшие обгореть носы, врвался в сердца симфонией птичьих трелей и будоражил, манил приключениями и необдуманными поступками!

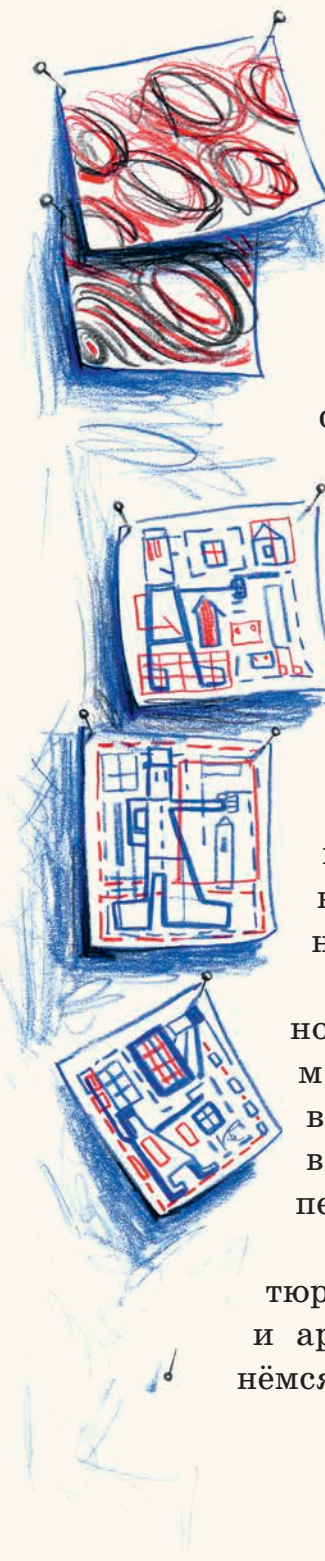
Вася Веточкин шёл в школу, а в портфеле у него лежало настоящее произведение искусства. И создателем этого произведения был он сам!

Дело в том, что уже несколько дней в душе Веточкина бушевала мелодия любви. Временами она заставляла его быть меланхоличным и мечтательным. Иной же раз, лишь заслышав эту мелодию, Веточкин начинал бурно веселиться и был готов на любые безрассудные поступки.

А ночью, когда изящная луна заглянула в окно и одарила Веточкина своим грустным очарованием, его накрыло вдохновение. Он ощутил такой зуд в кончиках пальцев, какого не ощущал уже давным-давно! Подскочил с кровати, сдул пыль с альбома и раздвинул шторы. Луна благосклонно кивнула ему и прибавила яркости.

К рассвету было готово нечто невообразимо прекрасное.

Сторонний наблюдатель вряд ли бы уловил главную мысль в переплетении этих линий и пятен, но

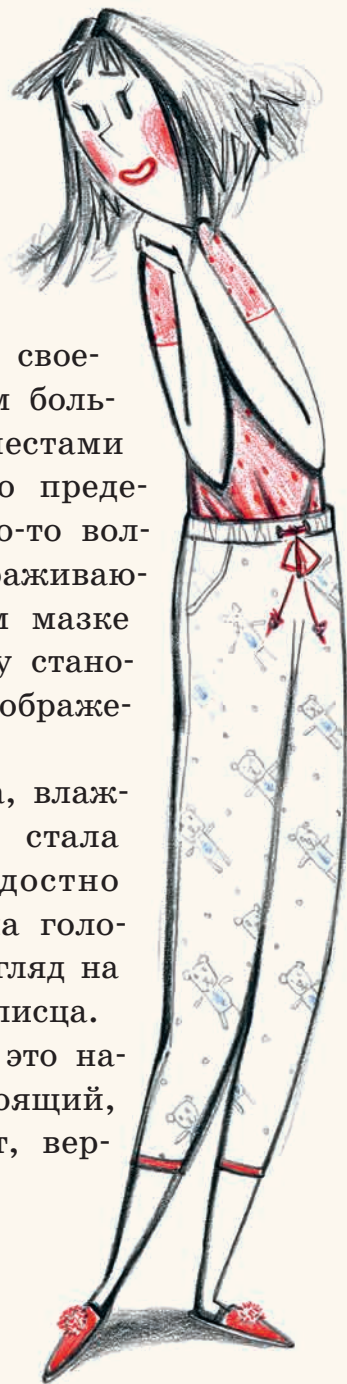

сам Мастер... Мастер был абсолютно доволен. Он видел на листе перед собой любовь в высочайшем её исполнении.

В струящейся тонкой фигуре со сложными краями Веточкин видел себя, томно склонённого перед солнцеподобным объектом своего обожания, занимавшим большую часть листа и местами даже выходящим за его пределы. Это было нечто. Что-то волшебное, магическое, завораживающее угадывалось в каждой мазке кисти. Что-то, из чего сразу становилось понятно — здесь изображена Настоящая Любовь.

Первым зрителем шедевра, влажного ещё от обилия краски, стала мама Веточкина. Она радостно всплеснула руками, покачала головой и перевела счастливый взгляд на перемазанного в краске живописца.

— Вот это я понимаю! Вот это натюрморт! И сельдерей как настоящий, и арбузик будто живой! Может, вернёмся в художественную школу?

Из груди измождённого Веточкина вырвался то ли натужный вздох, то ли надрывный вскрип. Снова его замысел оказался непонятным широкой публике.

В прошлом году Веточкина с треском выгнали из художественной школы, и он окончательно убедился в своей уникальности. Потому что жизнь каждого гения полна гонений и трудностей!

Уж кого-кого, а его, Веточкина, публика никогда не понимала. Его космический цикл с лунными

кратерами назвали вермишелевым супом, а особую гордость — серию про заграничного шпиона — почитали обычной игрой в морской бой!

Наученный горьким опытом, Веточкин решил подстраховаться. Он опустил перо в звёздную пыль, то есть взял ручку с листом бумаги и начал аккуратно выводить:

«Чудесная Плюшкина!

Катя...

Я не могу выразить всех чувств, переполняющих меня. Но и молчать я тоже не могу!

Позволь сказать тебе то, что не даёт мне покоя уже много времени.

Мы уже несколько лет учимся вместе, дышим одним воздухом, ходим одними коридорами. Но только в прошлую пятницу произошло Что-то! И я тебя разглядел.

Может быть, это произошло в столовой, когда ты так аккуратно и быстро доедала третью порцию сосисок с макаронами. Может, это произошло в спортивном зале, когда ты пыталась повиснуть на турнике и была так одухотворена и так вышедна. А может быть, это было просто предначертано судьбой. Нет в мире ничего более прекрасного, чем твоя спина, которую я вижу на каждом уроке перед собой. Чем твои косы, порхающие по этой спине. Чем твои щёки и твоя улыбка.

Вечно твой В.»

